

4. Там же.
5. Русский биографический словарь. - Т.25. - СПб., 1913. - С.203.
6. *Аниенков П.В.* Литературные воспоминания. - М., 1989. - С.258.
7. Современник. - 1849. - Т.ХVII, 2. - С.316.
8. Русский биографический словарь. - С.205-206.
9. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. - М., 1953-1959. - Т.9. - С.161.
10. *Афанасьев В.* «Без романтических затей...»: Русская стихотворная повесть первой половины XIX в. // Русская стихотворная повесть первой половины XIX в. Антология. - 1986. - С.13.
11. Там же. - С.17.
12. *Чумаков Ю.Н.* «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Болдинские чтения. - Горький, 1985. - С.113.
13. Ср. полное название повести А.Д.Галахова: «Ошибка (Случай, или пролог повести)» // Отечественные записки. - 1846. - Т.48. - № 9. - Отд. «Смесь». - С.14-31.
14. Ср. рассуждение Н.А.Полевого: «Наш век кажется веком бессильных страстей внутри, без резких отличий извне. Он весь одет однообразно, причесан, подвязан, ходит и говорит однообразно. <...> Но тем глубже и пестрее внутреннее образование нашего века. Никогда не являлся человек столь знающим, столь страстным, столь высоким, как является он ныне» (*Полевой Н.* Избр. произведения и письма. - Л., 1986. - С.183).
15. *Маркович В.М.* О трансформациях «натуральной» новеллы и двух «реализмах» в русской литературе XIX века // Русская новелла: Проблемы теории и истории. Сб. статей. - СПб., 1993. - С.131.
16. *Островский А.Н.* О литературе и театре. - М., 1986. - С.28. [Курсив мой - Н.В.].

А.Н.Яхонтов

Горькая ошибка

Случай

1

Съезжались гости... это было летом,
 На севере, на берегу морском;
 В гостиной пахло розовым букетом,

Ложилось солнце в море золотом
И заревом багряного заката
Был освещен гостеприимный дом.

То не была роскошная палата:
Свила гнездо в нем русская семья,
Наследственным радушием богата.

Хозяина ретивым помню я
Кавалеристом; с польского похода
Он поседел, в отставке состоя.

Чины, лета, заслуги и порода
Осанку дали важную ему;
Крутенок был в семействе воевода,

Противоречья мненью своему
Выслушивать он не имел охоты,
Он старый век предпочитал всему,

Без партии не избегал дремоты,
Дымил из дорогого янтара,
Крутил усы и не терпел пехоты.

Когда, отвагой юности горя,
Красавцем слыл в давно-былое время,
С красавицей он стал у алтаря,

Но... тяжело годов лихое бремя,
Приходит неизбежная чреда
И спелое перезревает семя.

(Терпеть не могут женщины, когда
О летах их заводят разговоры:
Молчание - однажды навсегда!)

Однако же у генералыши взоры
Еще блистали живостью, огнем,
Хотя уже не пламенем Авроры.

Она была хозяйка: его дом
В примерной содержался дисциплине,
Но дочь была живая радость в нем,

Луч света в поэтической картине
Художника. Прелестней ничего
Природа, в нашей северной пустыне,

В восторге обновленья своего,
В день солнечный, весной, не создавала...
Но где же нить рассказа моего?

II

Съезжались гости... Я забыл сначала
Упомянуть, что за год перед тем
Скончалася супруга генерала.

Забот и сердца матери ничем
Не заменишь: утраты нет важнее.
Старик слабел здоровьем между тем,

Жизнь без хозяйки сделалась труднее,
Ворчлив, капризен был он иногда,
Но с *Ольгой* стал мягче и нежнее.

Она забот хозяйства никогда
При матери не знала: это бремя
Пришлось нести в ту пору ей, когда

В девичью грудь уже запало семя
Любови, или потребности любить:
Тревожно-обаятельное время!

И потому должны мы ей простить
Неопытность, рассеянность, небрежность...
Ужели их не могут заменить

Очарованье женственности, нежность
И... красота? Нет света без теней
И даже их приятна неизбежность.

Светло, уютно в комнате у ней
И, без порядка строгого, красиво.
Хоть множества ненужных мелочей,

Разложенных пестро и прихотливо
Не встретил бы взыскательный ваш взгляд,
Но было их отсутствие - не диво:

Взгляните на расставленные в ряд
Эскизы, очертания, головки -
Не прелесть ли? Ведь чуть не говорят!

Один портрет не кончен... (у плутовки,
При взгляде на него, приятно так
И весело нахмуривались бровки).

Работая все утро, ни на шаг
От полотна не отойдет, бывало:
Любви к искусству только ль это - знак?

Но с той поры, как матери не стало,
Украдкою от старика-отца
Работать приходилось ей мало.

Однажды над отделкою лица
Она с утра прилежнее трудилась,
А в комнату, с садового крыльца,

Вошел отец... вся, бедная, смутилась,
Хотела спрятать что-то от него,
Но не успела, или - не решилась.

Старик - она уж знала отчего -
Взглянул на дочь с насмешливым укором,
Подумал, не сказал ей ничего,

Но взял портрет и вышел. Робким взором
Она следила, молча, за отцом,
Боролась с неожиданным напором

Горячих слез, в отчаянье немом,
И вдруг, как дождь внезапно хлынет летом,
Расплакалась, на грудь склонясь лицом.

Ворчливо, озадаченный портретом,
И не шутя взволнован и сердит,
«Дурь в голове! Не будет толку в этом!»

Старик с самим собою говорит...
Но с той поры едва ль не год умчался,
А мой рассказ на месте все стоит,

Хоть дважды в путь-дорогу подымался.
Вперед, вперед! Чтоб троечный мой стих,
Пожалуй, нас везти не отказался.

III

Итак - съезжались гости: много их
Группировалось в зале и гостиной,
Из ближних дач и, частью, городских.

Сидели все, беседовали чинно
(То был - для генеральских именин -
Не бал, а чай, иль вечер именинный).

Носившие немаловажный чин,
Со звездами и в толстых эполетах,
Да несколько, доживших до седин,

Дам чопорных (молчание о летах!)
Потолковать за нужное сочли
О новостях, которых нет в газетах,

И, отрешась от всех сует земли,
Умолкнув, за зелеными столами
Приот себе надежный обрели.

Все прочие - отдельными кружками,
Расположась, как где случилось им,
Переплелись, как тернии с цветами.

Шли разговоры; говором глухим
Наполнилась пестреющая зала,
К злословию и сплетням городским

Вся болтовня клонилась сначала:
Обычному как дани не отдать?
Здесь кумушка вполне торжествовала.

Таков уж свет: нельзя же и молчать:
Устанут, дух переведут немного,
Минуточку - и взапуски опять!

Но Ольга невнимательно и строго
Их слушала, не подражая им...
Читатель, не посетуй, ради Бога:

Мы тоже сплетни слушать не хотим;
На дачу мы недалёною заглянем
И тотчас же обратно поспешим.

Без пользы мы растягивать не станем
Простую эту повесть. Возвратись,
Мы в зале все по-прежнему застанем.

IV

Один, в широких креслах развалиясь,
Постдохнув, совсем уже одетый,
Высокий и довольно тучный князь

NN сидел и пробегал газеты.
Он был неисправимый холостяк;
Давным-давно густые эполеты

Он променял на скромный чёрный фрак,
Но сохранил военные ухватки
И приговор ему был: весельчак!

На всех путях он разбивал палатки,
Приятелем всей молодежи слыл,
Седел, толстел и презирал перчатки.

Вошел слуга и громко доложил:
«Владимир Павлыч!» - «А! проси, конечно!» -
И гостя он в объятия заключил.

«Владимир Павлыч! рад я вам сердечно!
Где пропадали столько зим и лет?
Так забывать друзей - бесчеловечно!»

Вошедший был - идеалист-поэт
(Перевелись давно они!). Вид скромный,
Приметами... примет особых нет,

Лишь чернѣй ус, да взгляд, немного томный.
Певучие стихи он помещал
В журнал достопочтенный, многотомный;

Была свобода - светлѣй идеал
Гражданского его мировоззрѣнья,
И красоту он обоготворял

Как высшій смысл природы и творенья.
«Мне совестно... простите ль вы меня? -
Не впору я пришел?» - «Без извиненья,

Скажу вам прямо: зван сегодня я
На партию к приятно-соседу -
Мы с ним довольно близкая родня -

Он именинник, звал еще к обеду...
Поедѣмте!» - «Но, князь, я незнаком...» -
«Э! пустяки! без вас я не поѣду!»

Ручаюсь вам за ласковѣй прием:
Хозяин - ненавистник этикета -
Благодарить вы будете потом.

Но... берегитесь! сердце у поэта,
Я слышал, воспалительно...» - «А что?» -
«Увидите! - нам подана карета».

Они вошли. Из общества никто
Их скромного явления не заметил;
С неммым в лице вопросом: это кто?
Наш генерал (хозяин дома) встретил
Владимира; поморщился, потом
Любезен стал, внимателен и светел.

Он вспомнил, что когда-то был знаком,
Что даже был товарищем по школе
С покойником, Владимира отцом,
И прочее... Представил гостя *Оле*
И снова сел за прерванный бостон
И от него не отрывался боле.

Неловок был Владимира поклон,
Язык его, казалось, был скован,
Не мог себе отдать отчета он,

Что случилось с ним? Так весь он был взволнован,
Неотразимой прелестью объят,
Таинственной силой очарован.

Ему знаком, казалось, этот взгляд,
Казалось: его встречал он где-то,
В дни счастья или в года утрат,

В блаженном сне или в пустыне света?..
Он чувствовал, как вся его душа
Обновлена, наполнена, согрета.

Он с замираньем сердца, чуть дыша,
Дерзал глядеть на Ольгу... Как чудесно
Она была в тот вечер хороша!

Толпой подруг охваченная тесно,
Она была богиней простоты
И грации задумчиво-прелестной.

Изящно округленные черты
Обворожали взгляд, уста смеялись
И свежестью дышали, как цветы;

Порой глаза внезапно разгорались
И, пристально на вас устремлены,
Так долго неподвижны оставались...

(Век не забыть их ясной тишины,
Их чудно-притягательного мрака
И, полной обаянья, глубины!)

Как ни смущен был юноша, однако
Вмешался скоро в общий разговор,
Сел рядом с ней, не дожидаясь знака,

Прикованный... И для него с тех пор
В ней слилось все: текущий миг, былое
И будущего тайный приговор.

Не чудно ли, скажите, что такое
Есть в красоте - сильней приманки глаз -
Победное, могучее, родное,

За сердце так хватающее вас?
Не есть ли то - внезапное познание
Прекрасного, глубоко где-то в нас

Живущего в тиши и без названья
Или с небес сияющего нам
Улыбкою любви и упования?

Еще не веря собственным глазам,
Взгляд пристально-задумчивый встречая,
Владимир в нем читал... не зная сам,

Что именно? Но сердцем прозревая,
Что в этой непроглядной глубине
Живет душа, душе его родная,

Таится благо... Грезил ли во сне,
Иль было то действительностью чудной -
Он, сгоряча, не сознавал вполне.

Миг счастья - он знал - дается трудно,
Судьба ж, назло, перечила ему
И благами его дарила скудно.

Не вздумалось вмешаться никому
В их разговор, так был он необычно
Чужд обыденно-светскому - всему,

Что называют пошлостью приличной,
Так мишурой умеренно блестя
Красивых фраз и болтовни столичной.

Неслышимо над ними пролетел
Блаженный вечер, в тихом разговоре;
В саду - фонтан серебряный шумел,

Туманное вдали синело море,
И в воздухе дрожал вечерний звон.
И где-то песнь лилася на просторе...

Пустеет зал, окончился бостон
Копеечный, запальчивый и спорный,
Встал и Владимир; на прощанье он

Жмет руку Ольге, с светскостью притворной,
Его глаза встречают тот же взгляд
Внимательный и пристально-упорный!...

Ног под собой не слыша, в темный сад
Он выбежал... Ночь теплая, казалось,
Дышала счастьем; тонкий аромат

Струился в воздухе; легко дышалось...
А в небесах уже редела мгла
И зарево с востока загоралось...

VI

Прощаясь с летом, словно ожила
 Природа, увядавшая заметно:
 Как много было света и тепла,

Как небеса покоились приветно
 Над голубым заливом! Мрак лесов
 Как прятался в одежде многоцветной!

В густой тени сиреневых кустов
 Сидела Ольга, с думой одинокой;
 К лицу ее то прилиwała кровь,

То вдруг оно бледнело, и высоко
 Вздыхалась грудь... глаза, как два луча,
 Пылали влажно и волной широкой

К плечу бежали кудри и с плеча...
 Она, как будто, плакала... ужели?
 В руке - письмо измято. Где ключа

Искать ее тревоге? Не в письме ли?
 Но слышны голоса невдалеке,
 Письмо проворно спрятать мы успели

И зонтиком рисуем на песке.
 Отец ее увидел: детски-нежно
 Она, прильнув к отеческой руке,

Поклоны торопливо и небрежно
 Владимиру и князю отдала
 И - точно дело делала - прилежно

Застегивать перчатку начала.
 Князь с генералом громко рассуждали
 Про биржу, да про земские дела;

От них Владимир с Ольгою отстали...
 Однако же вернуться нужно нам
 К прошедшему: мы в нем не дочитали.

Вернемся же к осенним грустным дням,
Когда, еще под свежим впечатленьем
Потери матери, по временам,

В тайник своей души, с недоуменьем,
Спускалась Ольга. Хаживал к ним в дом
Озерский некто: с видным положеньем,

Муж средних лет. Он ладил с стариком,
Его рассказы слушал о походе,
Играл с ним в вист, по маленькой, вдвоем,

А с Ольгой - говорил лишь о погоде,
И вдруг - молва по свету разнеслась,
Что Олинька - невеста, что в исходе

Зимы сыграют свадьбу! Добрый князь
Молил отца, тужил о бедной Оле -
Все было тщетно: буря поднялась!

Старик дал слово: с непреклонной волей
Бороться было трудно, а ему
Казалось: нет для Ольги лучшей доли.

Не лоб ей был Озерский. Почему?
К нему в ней просто ль сердце не лежало,
Или была особая тому

Причина? - Как не быть! У генерала
Приемыш рос в семействе; с детских лет, -
Хоть старше был он, - Ольга привыкала

К нему как к брату. Гвардии корнет,
Он молодцом в гусарском стал мундире,
Любил кутнуть и ездил в полусвет,

Входил в долги, зажить хотел пошире,
Но генерал его в армейский полк
Послал служить, когда почил в мире

Его супруга. Слух о нем умолк.
Прощаясь с *Сержем*, Ольга ощутила
Тоску, ей незнакомую, но в толк

Взять не могла: что в ней происходило,
Когда он крепко руку ей сжимал
И, сдерживая слезы, так уныло

«Не забывай!» - чуть слышно прошептал.
И не забыла Ольинька! Холодной
Красавицей жених ее узнал.

Она была с Озерским благородно-
И сдержанно-приветлива всегда,
Но... не могла дышать при нем свободно!

Ей много, много стоило труда
Придать лицу такое выраженье,
Чтоб не было заметно в нем следа

Ни скуки, ни сердечного томленья.
Не мил казался брачный ей венец,
Хитрить - шептало сердце - преступленья!

Она боролась долго... наконец
Решилась! И самой ей стало дивно,
Куда девалась робость в ней? - «Отец! -

Она сказала с прелестью наивной. -
Я от тебя не скрою ничего,
Я не могу, лукавить мне противно.

Спаси меня! Я - не люблю его!»

.....
Вспылил старик: его отцовской воле
Перечили! Не знал он никого

Приличнее Озерского. Но в Оле
Сильна была решимость. Генерал,

Крутой и деспотический дотоле,
Любя ее, как сладить с ней - не знал.
Взгляд женщины, как адвокат присяжный,
И не таких судей одолевал,

А взгляд ее, порою нервный, влажный,
Смушал укором сердце старика -
Он целый день, задумчивый и важный,

Ходил и ус подергивал слегка...

.....
Разрыв с Озерским был простосердечен
И честен, но - не понятый, пока,

Как водится, злословием был встречен
В гостиных и, как случай непростой,
В великосветской хронике отмечен.

Прошла зима, повеяло весной,
Затихли толки. При воспоминанье
О женихе, у Олиньки, порой,

Бывали в сердце страх и замиранье,
Но с той поры ей в душу свет проник,
Яснее стало в ней самосознание:

Она прозрела... в тягостный тот миг,
Когда ее невестой поздравляли
И жениха представил ей старик,

Ей боль и трепет сердца указали
То чувство, что росло и зрело в ней,
Еще невозмутимо, без печали.

Все генералу стало дня ясней,
Когда застал он Ольгу за портретом...
Но с дня того прошло немало дней.

Письмо ее вновь озарило светом:

Она его читала в сотый раз
И прятала у сердца, под корсетом,

И снова перечитывала, глаз
От смятого листка не отрывая...
Что в нем - пусть будет тайною для нас.

Продолжение стихотворной повести "Горькая ошибка" в следующем номере журнала.

Н.Ф.Левин

А.И.Куприн в Пскове

Кту малоизвестную историю можно назвать не только курьезной, но и полезной для изучения творческого процесса писателя.

Коротким зимним днем 20 января 1910 г. в редакции местной газеты «Псковская жизнь» неожиданно появился столичный литератор Александр Иванович Куприн. О его приезде в Псков там никто еще не знал. Куприну тогда шел сороковой год. Автор многочисленных повестей и рассказов был уже широко известен и популярен. К тому же оказалось, что Куприн не просто заглянул «на огонек» к псковским журналистам, но и готов предоставить для публикации небольшой новый рассказик, скорее даже лирико-философскую зарисовку.

Газета, естественно, напечатала ее сразу, в ближайшем номере, вышедшем на следующий день, причем на первой странице. Но в дальнейшем этот псковский текст не воспроизводился ни в одном сборнике произведений Куприна и даже не вошел в его полные собрания сочинений. Поэтому повторим его целиком, тем более что это не займет много места.

Левин *Натан Феликсович* - псковский краевед.